

**МЧК
СООБЩАЕТ...**

Екатеринодар. 10 сентября 1918 года

За окном играла музыка. Торжествующе, звонко вели трубы марш «Под двуглавым орлом». Пел над осенними улицами Екатеринодара альт. Это был голос победы, славы, надменности.

И кабинет, вернее номер гостиницы «Кубань», был залит солнцем. По-южному ярким и еще теплым.

— А дома-то, наверное, дожди, грязь, мокрые лошади, пар из дверей чайных на улицу вылетает... — Полковник Прилуков, начальник контрразведки Добровольческой армии, отошел от окна. — Так как же, Сергей Николаевич, домой тянет? Вы ведь тоже москвич?

Подполковник Незнанский — эlegantный, с точным пробором, с усиками, подстриженными по-английски, молчал, постукивая по столешнице в такт маршу.

— Так как же, Сергей Николаевич? — повторил Прилуков.

— Конечно, домой хочется. — Незнанский встал, придерживая шашку, подошел к окну.

Прилуков оглядел его. Высокого, молодого, подтянутого, со значком Академии генерального штаба на

левом кармане кителя, под отливающим эмалью офицерским «Георгием» и рубиново-золотым «Владимиром» с мечами под воротником кителя.

— Вы нашли человека, Сергей Николаевич?

— Да. Есть офицер. Достаточно отважный. Я бы даже сказал — дерзкий, но у него несколько смещены понятия о чести и нравственности.

— А где он служит?

— У капитана Симбирцева.

— Он согласен?

— Да, Андрей Георгиевич.

— Я вижу, Сергей Николаевич, вам не по душе эта операция?

— Если хотите, господин полковник, то да.

— Понимаю. Вы специалист по разведке, работали в тылу у австрийцев, но сейчас другая война. Учебники о ней будут изучать наши внуки в новой русской Академии генштаба. А пока... Где этот... бандит, который повезет его в Москву?.. Как его?..

— Лапшин? В тюрьме. Где же еще?

— Вам, Сергей Николаевич, придется поговорить с ним.

— Слушаюсь. — Незнанский поморщился. Но что делать, служба есть служба. — Я могу идти?

— Идите.

Незнанский четко повернулся и вышел, позванивая шпорами. Прилуков, прищурившись, глядел ему вслед. Ах уж эти чистоплюи, разведка, шпионство! Нет, дорогой подполковник, Академию вы окончили, а понять ничего не можете. Прилуков был опытным контрразведчиком. Почти всю войну проработал в комиссии генерала Батюшева. Чего он только не на-

смотрелся за три года! Он видел фрейлин двора, поставлявших сведения немцам, министров, берущих взятки у банкира Рубинштейна. Видел нового русского мессию, безграмотного мужика, вершившего судьбы фронтов и людей. Именно тогда он понял истину иезуитов: «Цель оправдывает средства». А для борьбы с большевиками хороши все средства. Прилуков, как человек умный, со склонностью к анализу, не верил в надежность временных побед.

Уж больно климат тыла Добрармии напоминал ему времена Гришки Распутина.

Конечно, полковник прекрасно понимал, что активизация уголовного подполья — шаг, продиктованный отчаянием. Но это хоть на время позволит справиться с силами политическому подполью, которое, впрочем, как и царский двор, и штаб Добрармии, раздирали интриги и склоки.

Полковник подошел к окну. По улице, четко печатая шаг, шла рота юнкеров. Поблескивали над погонами острые жала штыков.

Гремела музыка. И вдруг, осторожно, в нем начало зарождаться ощущение чуда. Ведь бывает же цепь случайностей, которую предвидеть невозможно. А вдруг она и сложится, цепь эта. И победа. Господи, как хорошо было думать об этом, слушая музыку маршей.

Ах ты, камера, камера, дом родной! Лапшин потрогал заплывший синяком глаз. Как же влип-то глупо. И наводка была точная, и в квартиру вошли, и дело сделали.

Грека и жену по горлышку, золотишко и деньги в сумку. Да не учли, что в другой половине дома офи-

цер на постой стал. Всего за два часа до дела. А у него двое товарищей были в гостях.

Только Лапшин с напарником за порог, а они тут как тут. Чего-чего, а воевать научились господа офицеры, Степку кокнули, а его скрутили, и сюда.

А контрразведка — не сыскное. Два офицера, прапоры сопливые, за час из него все выбили и в камеру бросили. Мол, сиди, завтра шлепнем.

А жить-то как хочется. Дважды с каторги бегал. Налеты совершал в Москве да Петрограде. Кассу взял на Нижегородской ярмарке.

Дурак... Лох слюнявый... В Москву надо было врать. К своим ребятам. А теперь все.

И жалко стало Лапшину себя. Господи, за что? Годков-то ему всего тридцать пять.

Как все люди его профессии, Лапшин, когда надо, в бога верил. Считал, что невидимая сила, призванная защищать его, убережет от смерти. И в такие минуты верил он искренне, и становилось ему благоденно и грустно. Лапшин забывал о тех, кого убивал сам.

Тюремный коридор освещали большие керосиновые лампы, висевшие под потолком через каждые десять шагов. Свет их, зыбкий и призрачный, причудливо ломал на стене человеческие тени.

Подполковник Незнанский шел мимо вытягивающихся в струнку унтер-офицеров — надзирателей. Стена коридора, щербатая от пуль, со смытой краской лозунгов, точно выражала политические катаклизмы времени.

— Где? — спросил Незнанский молоденького прапорщика в форме корниловского полка.

— В седьмой, господин подполковник.

У дверей камеры с написанной прямо на дверях зеленой краской семеркой подполковник остановился.

Надзиратель отодвинул задвижку, открыл дверь.

— Вы останетесь здесь, — скомандовал Незнанский и шагнул в камеру.

С дощатых нар поднялся плотный человек среднего роста, с разбитым лицом, одетый в некогда щеголеватую визитку с оторванным лацканом и в порванные на коленях полосатые брюки. Рубашки под визиткой не было.

Незнанский достал часы и щелкнул крышкой:

— Вас, Лапшин, расстреляют через час.

Человек молчал, изучающе глядя на подполковника. Он оставался так же невозмутимо спокоен.

— Но есть шанс, — продолжал подполковник.

— Ну?

— Говорите вежливее, вы не в сысской полиции, а в контрразведке.

Лапшин усмехнулся разбитыми губами:

— Я это сразу почувствовал, как первый раз мне в рожу заехали. В сысской остерегались бы. Там я человеком известным был.

— Слушайте меня, Лапшин. Вы убили греческого коммерсанта Костаки, убили зверски...

— Так я и не упираюсь, ваше высокоблагородие, взяли на деле, куда поперешь. Вы мне про шанс шепните. Ежели это нужно, — Лапшин потер большой палец указательным, — так выпустите. Через день принесу. Мое слово печать.

— Не нужно этого. Вы сегодня же подпишете документ и станете агентом контрразведки Добрармии. Это первое. Второе. Мы направим вас в Москву.

— Так я же политикой не занимаюсь.

— Вы будете работать по специальности. Вы на сыском жаргоне мокрушник?

— Случалось, брал грех на душу.

— Вот и занимайтесь этим в Москве. А мы попросим архимандрита, чтобы он вам грехи отпустил, прошлые и будущие.

— Так зачем тогда меня крестить? Я и без ксивенки этой своим делом займусь.

— Вы поедете не один. Повезете нашего человека.

— А это зачем?

— Нужно, Лапшин. Сведете его с вашими друзьями, представите, как налетчика из Ростова.

— А он крови не заботится? Людишек резать тяжелее, чем воевать, к этому привычка нужна.

— Это наша забота, Лапшин.

— Значит, я теперь вроде идейный борец. Вроде как эсер.

Незнанский молча посмотрел на Лапшина и усмехнулся.

— Деньги дадите? Путь неблизкий. — Лапшин потянулся.

— Дадим. И помните, если что... У нас везде люди.

— А вот пугать ни к чему. Наняли, так я работать буду. Дело-то знакомое.

Москва. Октябрь 1918 года

Данилов открыл глаза и увидел огромное пятно на потолке. Оно было похоже на контур Африки, только значительно больше, чем на самой крупной карте.

— Ну, слава богу. Очнулся, — раздался веселый голос. Иван попробовал повернуться, но горячая боль мгновенно пронзила тело, и он застонал.

— Ты лежи, лежи. — Сосед по палате, держась за стену, подошел к его кровати и сел: — Не узнаешь?

Лицо было знакомое. Но оно осталось там, в другой жизни, границей которой была боль, нестерпимая и жгучая.

— Отдыхай, браток.

Иван закрыл глаза, вспоминая. Обрывки прошлого возвращались фрагментарно и беспорядочно, как перепутанные детские кубики с азбукой.

И он мысленно пытался выстроить их в единую систему, собрать слово, ведомое ему одному. А кубики рассыпались, не складывались буквы. И словно далекий свет лампы, появился в воспоминаниях Брянск и летний театр. Даже запах каких-то цветов появился. И лицо Олечки Богулевич. И снова он ее услышал: «Настоящий человек должен стать сельским учителем».

А кубики падали и падали и постепенно сложились в единственное нужное слово.

Из окна второго этажа бил пулемет. Пули, рикошетируя по мостовой, выбивали длинные беловатые искры. Теперь он вспомнил лицо человека, склонившегося над ним.

Он лежал рядом с ним за поваленной трубой. Потом они бежали мимо каких-то деревьев... Потом узкий проулок... Кирпичная стенка, осыпающаяся под ногами... Сарай... И бесконечный треск выстрелов... Потом он только видел тупое пулеметное рыло, каш-

ляющее огнем... Оно было совсем близко... Надо было сделать всего десять шагов и бросить гранату. Пулемет замолчал на секунду, видимо меняли ленту, и тогда он выскочил из-за сарая...

— Куда? — кричал кто-то. — Убьют!

Он пересек двор и бросил тяжелую бомбу в окно... Потом что-то ударило его, и закружились деревья, дом, сарай и чье-то лицо.

И Данилов словно нырнул в темную горячую реку...

А теперь он вспомнил это лицо и засмеялся.

— Вы матрос? — спросил он.

— Естественно матрос, — засмеялся сосед. — Козлов Степан Федорович, комиссар ВЧК. А ты, браток, молодец, есть в тебе живой дух. Как не забоялся-то?

— Не знаю, — честно ответил Иван.

И потекли длинные, как несбывшиеся сны, дни. Через неделю Иван уже вставал, и они играли с Козловым в самодельные шашки: вместо белых — гильзы от нагана, вместо черных — винтовочные.

Они уже все знали друг о друге. А что, собственно, мог рассказать о себе восемнадцатилетний Иван Данилов?

Родился в Москве, учился в гимназии, потом отца перевели на службу в Брянск, там закончил реальное училище. Потом Союз молодежи, военная подготовка, Красная армия. Их рота прибыла в Москву, и ее сразу из вагонов бросили на помощь чекистам.

— Ну а дальше что? — спросил Козлов.

— Заходил комиссар госпиталя, хочет на курсы краскомов отправить.

— Ты согласился?

— Конечно.

— Погоди, Ваня, я тут кое с кем поговорю, может, другое дело тебе найдется.

— Какое?

— Погоди, — загадочно ответил Козлов.

Однажды в палате появился высокий черноволосый человек.

— Здорово, увечные, — белозубо засмеялся он.

— Федор, Мартынов! — Козлов соскочил с койки, и они обнялись.

— А ты как, друг, — спросил Мартынов Ивана, — ожил малость? Очень мы перепугались, когда ты с гранатой выскочил.

— Да так... — смутился Иван.

— Ты не смущайся, только помни всегда: жизнь у нас одна. Другую на базаре не купишь. Так что бережь ее надо.

Мартынов положил на тумбочку сверток:

— Это вам ребята собрали сахар, хлеба, колбасы даже, так что поправляйтесь. Пойдем, Степа, поговорим о разных разностях и покурим заодно.

Они вышли, а Данилов взял растрепанный томик Гюго, который ему принесла медсестра, и заново, вместе с Жаном Вальжаном, пошел по улице старого Парижа.

Когда-то, мальчишкой, он, начитавшись Дюма, мечтал попасть в этот таинственный Париж. Город красивых и веселых женщин и беспечных и смелых